

Юрий СОРОКИН

РУКОВОДИТЕЛЬ
ЦЕНТРА

АВТОР
МЕТОДИКИ

ПРАКТИКУЮЩИЙ
ПСИХОЛОГ

АЛКОГОЛИЗМ-

НЕ ПРИГОВОР

ВЫХОД

ЕСТЬ!

Я СЧАСТЛИВ,
ЧТО Я БРОСИЛ

ПИТЬ

СПОСОБ ВЕРНУТЬСЯ К ТРЕЗВОЙ ЖИЗНИ НЕ НА МЕСЯЦ ИЛИ ГОД, А НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Юрий Сорокин

**Алкоголизм – не приговор.
Выход есть. Я счастлив,
что я бросил пить**

«Центрполиграф»

2018

УДК 61
ББК 51.1(2)5

Сорокин Ю. С.

Алкоголизм – не приговор. Выход есть. Я счастлив, что я бросил
пить / Ю. С. Сорокин — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07823-0

Почти у всех пьющих наступают моменты, когда появляется желание завязать с пьянкой, но, к сожалению, они очень коротки по времени. Однако, если именно в такой момент человек приходит в психологическую реабилитацию, его шансы на возможность вернуться в трезвую жизнь возрастают многократно. Выход есть. Главное – это ваше желание найти его. Помните, как в сказке про Буратино: дверца была рядом с ним, за нарисованным очагом. В этой книге несколько бывших клиентов Ю.С. Сорокина – он никогда не называет их пациентами, пациент, как правило, больной, а они здоровы, – честно и откровенно расскажут каждый свою личную историю. Историю того, как они победили и продолжают побеждать алкоголизм, историю своего возрождения в трезвой жизни, жизни успешной.

УДК 61
ББК 51.1(2)5

ISBN 978-5-227-07823-0

© Сорокин Ю. С., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	6
Про Сорокина	8
«Я счастлив, что я бросил пить!»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Степанович Сорокин
Алкоголизм – не приговор
Выход есть. Я счастлив, что я бросил пить

© Ю.С. Сорокин, 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Главная причина, по которой я пишу эти строчки, – это желание рассказать всему миру, что алкоголизм – не приговор. Это расстройство можно вылечить. **ВЫХОД ЕСТЬ**, и он прост и доступен любому человеку. Способ вернуться к трезвой жизни не на месяц, год, десять лет, а на всю оставшуюся жизнь – кому сколько отмерено.

Этим я занимаюсь вот уже больше четверти века. Оговорюсь сразу – это не научная статья, а простое описание практического опыта многолетней психологической работы в области алкоголизма.

Самое ценное для моих клиентов и для меня, что этот метод дает положительный результат. Опишу его суть. Человек рождается с врожденным алгоритмом **трезвой** жизни. Первый напиток, который он пробует, – это грудное молоко матери. Затем в процессе роста и познания мира он пробует другие напитки: соки, компот, сладкий чай, лимонад, «спрайт», «фанту»... Но, опираясь на свой самый первый опыт, ребенок отдает предпочтение тем из них, которые больше всего напоминают грудное молоко. Отсюда и влечение к сладким напиткам.

Однако чем старше он становится, тем больше социализируется, меняется иерархия его потребностей (по А. Маслоу), и человек стремится к их удовлетворению (перечислю их: физиологические потребности, потребность в безопасности, чувство общности и потребность в любви, самооценка, самоактуализация). А. Маслоу считал, что для здорового развития необходима реализация наших способностей, а симптомы психических расстройств являются результатом торможения или подавления этих способностей. Говоря проще, растущий человек старается стать равноправной частью общества, реализуя внутреннее желание быть наравне с другими. На этом пути здесь он впервые встречает алкоголь, который является атрибутом – очень важным! – взрослости. Папы, мамы и другие взрослые говорят ему: «Детям это нельзя, а взрослым можно». А так как для каждого подростка естественно психологическое желание побыстрее повзрослеть, то вполне понятно, что начинаются эксперименты с алкоголем – «всё как у взрослых» – и в голове появляется мысль: «Я уже большой, и мне можно».

Вполне понятно, что, видя, как радуются взрослые, предвкушая праздники, отпуск, пикник, шашлыки, дни рождения и т. д. и, стало быть, выпивку по всем этим поводам, подросток формирует для себя позитивный образ алкоголя. То есть получается, алкоголь – это всегда праздник. А кому из нас не хочется праздника? Хочется – выпей, вот тебе и праздник. Ничего, что противно... И так постепенно, через отравление, отвращение, тошноту, рвоту, головную боль человек формирует новый алгоритм – алгоритм пьющего человека. А так как во взрослом мире выпивать является нормой, а те, кто не пьет, или больные, или ненормальные, или стукачи, или... остальное допишите сами, мы получаем из подросткового периода, где нормой является трезвый образ жизни, переход к другой норме – нормально выпивать. И, поскольку в каждом из нас живет потребность и стремление к совершенству (идеалу), то человек начинает «совершенствоваться» и в этой области, благо вокруг много соратников.

В это время первоначальный алгоритм трезвой жизни постепенно уходит в прошлое. Он остается, но в связи с увеличением алгоритма выпивания создается иллюзия, что он сохраняется как величина постоянная, однако по факту он сокращается. И таким образом, человек попадает в «ловушку». Чем больше его «совершенство» в выпивках, тем ближе он подходит к моменту, который называется «деградация личности».

По многолетней практике работы в этой области смею утверждать, что почти у всех пьющих наступают моменты, когда появляется желание «завязать» с пьянкой, но, к сожалению, они очень малы по времени. Однако, если именно в такой момент человек приходит в психологическую реабилитацию, его шансы на возможность вернуться в трезвую жизнь возрастают многократно (на 50–70 процентов).

Моя задача, как психотерапевта, сводится к восстановлению «забытого» алгоритма трезвой жизни. Вот такая «простенькая» по формулировке, но сложная по решению задача.

Делаю очень важное уточнение. Этот метод не предназначен для спасения всего человечества в целом.

Этот метод направлен на помощь конкретному человеку – вашему мужу, вашей жене, вашему сыну, вашей дочери, вашему папе, вашей маме, вашему брату, вашей сестре, вашему другу, вашей подруге, вашему подчиненному. И огромная благодарность вам за то, что вы не опустили руки от отчаяния и благодаря вам нашелся выход. Ведь именно вы нашли эту книгу и наш центр. Теперь вместе с вами наша помощь, поддержка и понимание.

Выход есть. Главное – это ваше желание найти его. Помните, как в сказке про Буратино: дверца была рядом с ним, за нарисованным очагом.

В этой книге несколько моих бывших клиентов – я никогда не называю их пациентами, пациент – это больной, а они здоровы, как я уже объяснил, – честно и откровенно расскажут каждый свою личную историю. Историю того, как они победили и продолжают побеждать алкоголизм, историю своего возрождения в трезвой жизни, жизни успешной.

Это обычные люди, у них нет навыка нынешних звезд свободно рассказывать подробности своей жизни, поэтому мы пригласили помочь нам профессиональную журналистку Марину Сергиенко, которая взяла у них интервью. Ей слово.

Ваш Юрий Сорокин

Про Сорокина

С Сорокиным меня познакомил его бывший, как он говорит, клиент, а мой сослуживец. Позвонил – встретились, я его не узнала: помолодел как-то. «А я пить бросил, – говорит. – И курить. Теперь хочу тебя познакомить с человеком, благодаря которому все это со мной произошло». – «А что, мне пора, ты считаешь?» – спрашиваю.

По дороге рассказал, что мы идем к замечательному дядьке, просто-таки уникальному, который не только гиблых алкоголиков чуть не с того света вытаскивает, но они у него еще и молодеют все, как один, хорошеют и вместо того, чтобы бомжевать на помойке, открывают свои бизнесы, процветают, возвращаются в семью, рожают детей, строят дома. И про этого дядьку должно обязательно узнать все человечество, для начала в моем лице.

– А почему в моем-то именно? – не пойму я.

– Ты, с одной стороны, в теме, а с другой – не в теме. Это то, что надо, по-моему, – объяснил он. Главное, сразу все ясно стало...

Встретил нас небольшого росточка складный такой мужичок, седой, с усиками, улыбочивый, голубоглазый, в светлой рубашке навыпуск – жарко было. Самое точное слово – неприметный, мимо пройдешь и не вспомнишь. Представился коротко: «Юра».

Оказалось, это он самый и есть, чудотворец Юрий Сорокин. Руководитель Центра лечения алкогольной и наркотической зависимости. Одного из самых, если не самого результативного в России.

Приятель мой к Сорокину хотя и сам пришел, но попал почти случайно – «сарафанное радио» сработало. И теперь, преисполненный благодарности, решил исправить положение – сделать так, чтобы о сорокинском центре узнало как можно больше народу. А для этого подал идею – издать книгу. Книгу, в которой Сорокин рассказал бы о своем уникальном методе, а те, кто его на себе испробовал, – о том, что получилось.

Вот тут-то я и понадобилась, тут-то и разъяснилась та загадочная фраза про «в теме» и «не в теме». Сам Юра настолько погружен в эту свою тему, постоянно варится в ней уже два с половиной десятилетия, что у него, как говорится, «глаз замылен», – ему кажется, что все очень понятно и просто, и объяснять тут нечего, что все привычно и как всегда, и не о чем особо рассказывать. А для того, чтобы все-таки рассказать, нужен неофит вроде меня, «не в теме», не алкоголик и не ортодоксальный трезвенник, чтобы задавал вопросы, интересующие обычного человека, не специалиста. А «в теме» – это потому, что муж пил запоями, братишка двоюродный напивается часто, друг детства из наркологии не вылезает, подруга безработная спивается на глазах – спасать сил уже нет; потому, что столько друзей схоронила – талантливых, блистательных, – которых пьянка сгубила... А что, есть кто не в теме?.. Это как про войну говорят: «Нет у нас семьи, которой бы не коснулось»... Только здесь, наверное, «задетых» еще больше...

Прости, дорогой читатель, если тебе покажется, что в вопросах моих что-то личное мелькает – не получается здесь без личного. Вот я Сорокина сразу и спросила – о наболевшем: «Как же так, почему они вас слушаются, вам верят, а я сколько ни пытаюсь, – и лаской, и руганью – все равно обманет меня и выпьет!» – «Да я же их знаю, как себя самого! Давно только это было».

И он стал рассказывать.

Родился Юра ровно в середине прошлого века, в семье военнослужащего. Отец был летчик, офицер, в отставку ушел в звании полковника. Детей было двое – еще брат, на пять лет старше. Жили в военном городке в Подмосковье. «Мама – замечательный, добрый, очень отзывчивый человек, и с ней всегда был комфорт, всегда ласка», – вспоминает Сорокин.

Лето проводил у бабушки в деревне – ходил на речку, купался, загорал. Когда подростки – стали отправлять в пионерские лагеря. Вместе со всеми одноклассниками вступил в пионеры, потом в комсомол – словом, все как у всех обыкновенных ребят того времени. Мальчик рос общительным, открытым, дружелюбным. Любил спорт – футбол, хоккей, горные лыжи. Лыжами занимался серьезно, был кандидатом в мастера спорта. Но серьезно повредил ногу, было ясно, что из-за травмы первых мест ему уже не видать. Вторым быть не захотел, ушел из футбола. Там тоже добился очередных высот – играл за команду мастеров. В СССР тогда профессионального спорта, как известно, не было, игроки числились на заводах – кто слесарем, кто токарем. Короче, встала перед юношей дилемма: то ли продолжать спортом заниматься, а когда выйдет возраст – идти на тот же завод, только учеником слесаря, то ли все-таки профессию получить. Выбрал профессию.

Пошел учиться в техникум, работал на космическом заводе, «почтовом ящике», технологом. Потом – вуз, тоже технический. Стал инженером. Женился. Устроился на завод, от которого дали квартиру. Инженером Юра был грамотным, талантливым. Повышали по службе, стал главным конструктором, неплохо, по тем временам, зарабатывал, премии получал – все «как у людей».

Да и пьянство-то было какое-то нормальное – ну что такое кружка-вторая пива после работы, особенно если пивбар прямо рядом! Кружка-вторая, потом третья, четвертая, и так каждый день... Да и коллеги по работе всегда рады поддержать компанию. Случалось, едва добирался домой... В общем, как все «нормальные» люди. Родителей не стало, и остались они вчетвером: он, жена, маленький сын и АЛКОГОЛЬ.

Так и получилось, что в один прекрасный день, устав от всего этого, жена объявила: «Живи, как хочешь. Хочешь – пей, хочешь – не пей, хочешь – приноси деньги, не хочешь – не приноси. Хочешь – приходи домой, не хочешь – не приходи. Но если приходишь – являйся после того, как ребенок заснет. А уходи до того, как проснется».

Юра сначала обрадовался – свобода! Погулял так месячишко и понял: от такой свободы сдохнуть хочется. По счастью, жена (как и многие другие русские жены) втайне от него продолжала принимать участие в его жизни и был их сын... Именно она узнала откуда-то, что приехали американцы и привезли свою программу про алкоголизм. Было это в 1990 году.

С этого момента начинается новая биография Юрия Сорокина. Та, в которой он резко сменит профессию, для чего получит второе образование – закончит клиническую (медицинскую) кафедру факультета психологии МГУ, станет работать в реабилитационных центрах, разработает собственный уникальный метод спасения пропиваемых жизней, адаптированный к нашей российской ментальности и нашим алкоголикам, потом создаст свой центр, Центр Юрия Сорокина, обрстет учениками и последователями, но так и останется единственным, потому что самое главное его мастерство – талант целителя душ – заключено в нем самом.

«Я счастлив, что я бросил пить!»

Этот человек меня поразили с ходу, еще когда по телефону договаривались о встрече: коротко, по-деловому, согласился подъехать ко мне домой. А я-то ломала голову – в кафе его вести или куда? А так получился идеальный для меня вариант: мы по старой московской традиции целый вечер просидели за разговором у меня на кухне. Было ощущение, что мы если не выросли в одном дворе, то точно учились в одном классе... И так вполне могло бы быть, потому что мы ровесники. Вот только я свою «пожилую» фотографию никак не решилась на сайт выставить, а его одноклассники не поверили, что это он сейчас такой: «Ты, – говорят, – обманываешь, ты сегодняшнюю фотку покажи!»

Очень живой, подвижный. Не потому, что по кухне бегал, а как жестикулировал: азартно, выразительно. «Вы курите?» – спрашиваю. Он в ответ: «Слава богу, а то я уж думал, придется на лестницу выходить!» Курит, как я, – одну от одной... А может, волновался просто...

– Зовут меня А. П., мне пятьдесят шесть лет. Родился я в Москве, родители: отец военнослужащий, мать домохозяйка. В принципе моя жизнь протекала достаточно ровно и успешно для тех времен. Я хорошо закончил школу и в семидесятом году поступил в иняз. В семьдесят пятом году его закончил, и специальность моя – переводчик с английского и испанского языков. Еще за год до распределения на меня положил глаз КГБ, и меня стали оформлять для работы. И по распределению по окончании института я начал работать в Первом главном управлении. Думаю, что какие-то вещи я уже могу открыто говорить, потому что и время прошло, и многие организации сейчас не так называются.

– Испанский у вас со школы?

– Нет, просто вторым языком дали испанский. Тогда, если помните, семьдесят третий год – это Чили, Альенде, революционный подъем, – и поэтому я с удовольствием учил испанский язык. О чем совершенно не жалею, потому что потом жизнь распорядилась так, что, сам того не желая, я последние три года работал в Испании. Мне испанский язык очень помог, я просто купаюсь в нем, я испанский люблю больше, чем английский. Так вот, я начал работать в КГБ, и все шло в принципе нормально, все очень хорошо. Карьера моя была определена: когда я только пришел туда работать, я уже знал, чем моя жизнь закончится через двадцать пять лет, на какой должности, в каком звании, потому что в те времена у всех жизнь была такая размеренная и все могли планировать свое будущее совершенно спокойно.

И моя жизнь действительно протекала по плану, через два года я подал заявление сначала в кандидаты, потом в члены партии, и вступил. Через два года я женился, через год у меня родился ребенок, то есть все шло по накатанной, мне вовремя присваивали звания и так далее.

Но, к счастью или к сожалению, оказалось, что я алкоголик; сейчас я говорю: наверное, даже к счастью, потому что, если бы не алкоголизм, я бы, наверное, не нашел путь к себе, я не нашел бы самого себя. Психологическая программа, с которой я встретился из-за своего алкоголизма, позволила посмотреть внутрь самого себя и понять, кто я, что я, зачем я пришел, то ли я делаю, с теми ли людьми общаюсь, и вообще, позволила найти путь к себе, я бы сказал. И поэтому одна из первых статей, которую я писал, когда уже вышел из реабилитационного центра, так и называлась «Я счастлив, что я бросил пить». И смысл именно в том и заключался, что я счастлив, что мой алкоголизм позволил заглянуть внутрь меня; раскрыть то содержание, которое сейчас соответствует, как мне кажется, – хочу думать, что я не ошибаюсь, – моему внутреннему предназначению – предназначению, которое мне дано свыше. Так вот, одним из этих определяющих, судьбоносных факторов в моей успешной достаточно карьере было то, что мой начальник, к счастью, оказался алкоголиком.

– Почему же это «к счастью»?

– А к счастью потому, что он ускорил процесс.

– Гэрэушники вообще жутко пили...

– Ну, вы знаете, по-разному. Они пили все, но часть из них была алкоголиками, – как я, например, – а часть просто пьяницами. Вот мой начальник, – думаю, что он живет до сих пор, сейчас ему, наверное, лет под девяносто, но у него здоровье было настолько крепкое!

День начинался с того, что он стучал в мой, соседний, кабинет, и я знал, что этот стук означает. Это было в девять часов утра, как только мы приезжали на работу. Мы работали на загородных секретных объектах, где обучались представители спецслужб иностранных государств. В то время я работал с кубинцами. Поскольку это была загородная резиденция, где сидит начальник-алкоголик, где есть его подчиненный, я то есть, такой молоденький мальчик, где есть обслуга, которая занимается своими делами, где есть слушатели, которые сидят на занятиях, а вокруг природа: тут лес, тут лодка, – грех было не выпить! И день начинался с того, что в девять часов утра начальник стучал мне в дверь, и я шел к сестре-хозяйке. Через пять минут сестра-хозяйка на подносе приносила бутылку водки или бутылку коньяку, закусочку, мы с ним выпивали на двоих бутылку водки, и с этого начинался наш рабочий день. И так почти каждый день происходило, за исключением тех случаев, когда, например, нужно было ехать к руководству, на партийное собрание или совещание, – словом, в центр. А так мы сами себе были предоставлены.

– А как же, вы говорите, он алкоголик, а если надо было ехать на совещание, он же не выпивал?

– Нет, но мы же знали, по каким дням у нас партсобрание, по каким дням у нас совещание...

– Но алкоголик, он же не может жить, если не выпьет?

– О себе могу сказать, что в то время я более или менее это контролировал, а он... Я думаю, что он был не алкоголиком, а просто пьяницей, если можно было – пил, а если не нужно было – не пил. И думаю, что это было именно так, потому что сам я, несмотря на то что меня в один прекрасный день по работе вызвали, а вызвал генерал (я к этому подойду в ходе своего рассказа), выпил, и поэтому мне было, что называется, по барабану, что меня вызывает генерал. Вот в этом-то и разница: алкоголик не может себя контролировать. Я спустя десять лет уже не контролировал себя – когда этот генерал меня вызывал. А он, мой начальник, мог это контролировать всегда.

Поэтому, я думаю, в этом принципиальная разница между алкоголиком и пьяницей: пьяница – это тот человек, который хочет – пьет, хочет – не пьет, а алкоголик действительно на протяжении какого-то времени, когда болезнь только развивается, еще более или менее в состоянии контролировать свое заболевание, а когда она вступает уже в такую стадию, когда, как американцы говорят, «из соленого огурца свежий не сделаешь», он ничего контролировать не в состоянии. Я, видимо, до определенной грани еще мог контролировать, а переступив черту – уже все, впал в алкоголизм.

Юра наверняка вам рассказывал, что в какой-то момент по ходу этого заболевания происходят необратимые биологические изменения в организме, когда перестраивается вся система обмена веществ, – вот то, что называется метаболизмом в организме, и он по-другому уже действовать не может. Про огурец пример очень показательный: на каком-то этапе еще можно что-то сделать. Скажем, сейчас, оглядываясь на свою жизнь, могу сказать, что я был хороший мальчик из хорошей семьи, дружил с хорошей девочкой, учился в хорошем институте, где-то выпивал, скажем, на вечеринке, в компании, – это все никакого алкоголизма не предвещало. А регулярно начал выпивать, наверное, лет с двадцати двух, когда закончил институт и пришел в КГБ. И вот регулярное употребление ускорило переходный процесс...

– Хотите сказать, что никакой обреченности, предрасположенности, на роду написанной, а следовательно, никакого алкоголизма с вами не случилось бы, если бы не было регулярного такого употребления?

– Может быть, и не было бы. Но я думаю, что если это сидит внутри, то оно рано или поздно дает о себе знать.

Я вам расскажу на примере своей семьи. У нас в семье это было тайной за семью печатями. Когда я уже вышел из центра, спустя много-много лет, мама рассказала историю своего папы и вообще историю своей семьи, потому что до поры до времени я знал о своем деде только одно – что он был очень ответственный работник: в системе Наркомата внешних сношений работал, что называется, в системе МИДа. Мать моя латышка, он тоже латыш, знал несколько языков, поэтому в двадцать пятом или двадцать четвертом году, а он еще при Держинском работал, его пригласили, тоже, видимо, по линии НКВД, стать нашим торговым представителем во Франции, в Италии, в Германии. Детство моей матери прошло в этих странах, она совершенно свободно говорит на трех языках.

В тридцать седьмом году деда, естественно, расстреляли, – наверное, почти в каждой семье какие-то есть пострадавшие, – и вот у меня с детства был некий такой образ деда в ореоле героя, который был незаконно репрессирован и расстрелян. Потом, много лет спустя, когда я уже сам вышел из реабилитационного центра, мама мне рассказала, что дедушка, оказывается, любил выпить, и выпивал, если не запоями, то пил до бессознательного состояния.

Видимо, матери самой это было неприятно вспоминать, потому что то горе, которое она перенесла за все эти годы, ведь практически вся жизнь у нее пошла наперекосяк, была сломана этим арестом и расстрелом, внутренне не позволяло ей через это переступить, разрушить этот ореол, этот миф о герое-деде. Как выяснилось, и ее дед, мой прадед, тоже страдал этим недугом. А вот по отцовской линии, как ни странно, все нормально.

Мои папа и мама, слава богу, до сих пор живы, они совершенно равнодушны к алкоголю и сейчас, и всегда были. Я отца своего вообще никогда в жизни пьяным не видел, выпившим даже, только когда гости собирались, и то я не могу вспомнить, чтобы он как-то менялся. А про маму и говорить нечего. Это к вопросу о том, как расцветает этот пышный цветок и как расцвел мой алкоголизм.

Когда я начал работать в КГБ, все это носило характер шалости, невинных развлечений со своим начальником, когда вроде выпьешь и это даже, наоборот, придавало некий кураж, если надо было переводить какие-то переговоры, или гости приезжали к нам, какие-то вечера проводились, вроде казалось, что я и перевожу лучше, тем более что меня хвалили и вообще я был нарасхват. Мне просто повезло, что с самого начала, когда я пришел в КГБ, я начал работать, так просто получилось, с высшим руководством разведки Кубы, и меня взял под опеку начальник разведки Кубы. Он меня так обнимал, когда приезжал: «Чико, ты мой сынок, лучший друг!» Видя такое отношение со стороны руководителя разведки Кубы, наше руководство, в том числе и начальник разведки (он недавно умер; в перевороте в девяносто первом году он принимал активное участие, он был тогда председателем КГБ), соответственно, относилось ко мне так же, как этот кубинский Димитрио. Поэтому я как бы «въехал на самый верх» автоматом, сам к тому не прикладывая особых усилий. Но, думаю, язык я неплохо знал. И поэтому на второй, на третий год работы в КГБ меня стали привлекать к переговорам на самом высшем уровне. В последние годы, уже буквально перед тем, когда я уволился, а правильнее сказать, меня попросили уволиться из КГБ, я переводил даже Андропову. Уж большего уровня и не представить. Ну а болезнь таким образом и развивалась. Все было бы хорошо, если бы не одно но, то но, которое сопровождает алкоголика, и то но, которое отличает алкоголика от пьяницы. Вот вы задавали вопрос, в чем разница между алкоголиком и пьяницей. Если пьяница хочет – пьет, не хочет – не пьет. Вот он приходит домой вечером и говорит: «Маш, давай выпьем по рюмочке», и она отвечает: «Коль, да конечно!» Он выпил рюмочку, две, поужинали, посмотрели

рели телевизор, и все прекрасно, то у алкоголика так вопрос не стоит. Для меня, я заметил, сам стал обращать внимание, что выпить стало просто необходимостью.

– По рюмочке алкоголик не может пить, надо до бесконечности?

– Совершенно верно... А с этим пришли сопутствующие проблемы. Те проблемы, которые сопровождают жизнь алкоголика, и те проблемы, которые отличают алкоголика от пьяницы. В данном случае, у меня то есть, начались проблемы в семье. Я приходил домой, может, даже выпивши-то чуть-чуть, но каждый день. Жена стала обращать на это внимание, у нас уже был маленький ребенок, дочка росла, и, естественно, как любой женщине, супруге это не нравилось. Она стала делать мне какие-то замечания, потом начались ссоры, скандалы. Естественно, я пытался оправдываться, пытался придумывать всякие поводы. А поводы, они, как вы знаете, у алкоголика по любому случаю, тем более на моей работе, где каждый день были переговоры, где каждый день были какие-то застолья, где были какие-то случаи, какие-то годовщины, то Новый год, то День какой-нибудь революции, то Первое мая, то Седьмое ноября и так далее, и так далее. Начались проблемы с тем, что я в какой-то момент почувствовал, что перестаю себя контролировать.

Была пара случаев, когда я собирался вернуться домой с работы, а просыпался где-то на улице. Меня будил милиционер, но, видя мое удостоверение, не отправлял меня в вытрезвитель, а просто говорил: «Друг, ну-ка, давай-ка домой на такси».

Соответственно, проблемы начались и на работе. Как-то раз, когда я себя уже не контролировал и пил на работе практически каждый день, я был назначен дежурным по большому объекту. Это был год Олимпиады, по-моему... У меня в подчинении находилось несколько офицеров, несколько прапорщиков, мы выпили вечером: ну, подумаешь, так обычно дежурство проходило, отдежуришь, передашь утром смену другому и так далее. А тут нам вечером не хватило выпивки. Естественно, я попросил одного из сотрудников сходить, поскольку с магазинами тогда было не такое раздолье, как сейчас, к нашей сотруднице, которая жила напротив работы, и попросить у нее спирта – она была медицинский работник. Ее не оказалось дома, была ее дочь, и вот этот прапорщик стал приставать к девушке. Пришел он без бутылки.

На следующее утро я сдал смену, уехал на дачу, а в понедельник, выйдя на работу, узнаю, что дочь этой сотрудницы пожаловалась матери, мать пришла и устроила грандиозный скандал. Ну и, как тогда было принято, начали персональное дело. Этого прапорщика вызвали, сказали: «Мы все знаем, все сознались, значит, сознайся и ты». И он, естественно, сдал всех: и кто посылал, и зачем, и так далее. Когда вызвали меня, мне точно так же сказали: «Все уже все рассказали, значит, рассказывай ты». Методы остались те же самые. А поскольку тогда я был членом партии, сразу же завели персональное дело, а персональное дело – это строгий выговор.

Вот так я получил первый строгий выговор по партийной линии именно за злоупотребление алкоголем на рабочем месте, что по тем временам означало практически крест на твоей карьере. Мне другой мой начальник, очень хороший, так и говорил, прошу прощения за нецензурное выражение: «Обосрался – стой сохни». Но в то же время, когда меня в очередной раз приглашали работать с высокопоставленным лицом, с генсеком (тогда еще был жив Луис Корвалан), и я говорил: «Что же вы меня-то со строгим выговором ставите на эти переговоры?» – он же добавлял: «Ничего, за одного битого двух небитых дают! Иди, потому что позвонили сверху и сказали, чтобы только ты переводил». Так что наличие выговора не снимало с меня каких-то рабочих обязанностей. Словом, у меня начались проблемы, которые присущи каждому алкоголику, – проблемы на работе, проблемы в семье...

Проблем с милицией не было только благодаря тому, что у меня на руках еще было удостоверение, которое меня как-то спасало. Пару раз меня останавливала ГАИ в нетрезвом состоянии. Если бы не это удостоверение... Тогда Андропов был на коне, если вы помните, были огромные разногласия между Щелоковым, главой МВД, и Андроповым. Ну а поскольку

Андропов пришел к власти, то МВД при виде нашего красного удостоверения пропускало любого – пьяного, непьяного: езжай, мол, только нам проблем не создавай.

И продолжалась такая жизнь до конца восьмидесят четвертого года. В один прекрасный момент мне нужно было вести переговоры начальника нашей разведки и начальника разведки одной из африканских стран. Переговоры были в Колпачном переулке, на переговорах присутствовали эти два лидера, я как переводчик нашего руководителя и какое-то сопровождающее лицо от этого африканца. Мы сидели за ужином, естественно, всем налили по рюмочке. Я в этот день не пил, зная, что мне вечером переводить, и, как у любого алкоголика, у меня наступил абстинентный синдром, мне нужно было срочно опохмелиться. У меня руки дрожали до такой степени, что я не мог взять рюмку, потому что явно она у меня вот так бы заходила ходуном. Что касается рюмки, я мог отказаться, потому что переводчик не обязан пить, хотя, в общем, обычно это делалось. Но есть-то мне надо было! Когда я взял вилку и нож, у меня застучали о тарелку приборы... И африканец меня спросил: «Ты что, малярией, что ли, болел в командировке?» А я до этого уезжал на Кубу в командировку. Я говорю: «Вы знаете, я очень отравился накануне, можно я на секунду выйду?» Представьте себе ситуацию, когда переводчик во время официальных переговоров вдруг просится выйти! Сестра-хозяйка, к счастью, знала о моей проблеме, у нее уже было полстакана водки налито, я взял эти полстакана на кухне, выпил и конечно же вернулся уже просто в хорошем состоянии, переговоры прошли прекрасно, перевод шел великолепно, хотя, я помню, начальник ударялся в какие-то детали по поводу охоты, по поводу сбора морошки в болотах Карелии. Это ж надо синхронно перевести на английский язык морошку какую-нибудь! Ну ничего, у меня это все как-то с блеском проходило. И он мне даже дал машину после того, когда все это закончилось: «Пускай, – говорит, – тебя водитель отвезет домой».

Разумеется, я поехал не домой, я поехал на работу «на обед». Меня уже ждал комендант, стол был накрыт, водка была и все такое; естественно, мы с ним напились до смерти. Наутро, когда я встал и мы с ним уже хорошо опохмелились, раздался звонок – вот тот звонок, о котором я говорил. Позвонил генерал, называет меня по имени и говорит: «Приезжай и пиши отчет о вчерашних переговорах». Я был в таком состоянии, что мне было море по колено, и тогда я произнес ту фразу, которая, собственно говоря, определила всю мою дальнейшую судьбу. Я сказал, что приехать не могу. Представьте себе, капитан заявляет генералу: «Я приехать не могу». Он говорит: «Ты в своем уме или нет? Пиши отчет о вчерашних переговорах!»

Я положил трубку, взял четыреста рублей казенных денег, которые были в сейфе у меня на работе. К тому времени я уже дома не ночевал или ночевал редко, потому что практически всегда оставался на работе, чтобы не ездить туда-сюда; жене я говорил, что работы много. У меня была гражданская одежда, мы в военном не ходили, взял какую-то себе рубашечку легкую, переделся в джинсы, в дипломат положил костюм и поехал в аэропорт Внуково. Во Внукове я покупаю билет в Сочи. Причем это был разгар сезона, конец августа. Я прихожу в кассу, мне говорят, что билетов нет, помните те времена, когда улететь возможности не было? Это мне не помешало ничуть, я пошел к начальнику аэропорта, предъявил свое удостоверение и, что называется, на чистом глазу сказал: «Вы знаете, вот мое удостоверение, мне только что позвонили из Сочи, у меня в Сочи утонула жена в санатории Дзержинского». Как он потом рассказывал, сам я этого не помню, я был настолько доверен, что у меня даже текли слезы, настолько я вжился в роль. Мне было жалко себя, мне было жалко своей загубленной жизни. Он мне дал билет из брони, и я улетел в Сочи.

По приезде в Сочи я снял комнату на территории санатория имени Дзержинского, где мы с женой часто отдыхали, купил ящик водки, чтобы не ходить туда-сюда, и целую неделю (я эту неделю просто не помню) пил и спал, пил и спал, покуда не закончилась вся водка.

Когда она закончилась, нужно было что-то решать: денег ни копейки, все пропито, делать нечего. И я решил, что у меня выхода другого нет: ну, думаю, хорошо, постираю вот эту

рубашку, у меня была фирменная какая-то рубашка, пойду на рынок, продам ее, куплю последнюю бутылку водки, выпью и утоплюсь. И когда я шел на рынок продавать эту свою рубашку, мне повстречался мой сотрудник с работы, который вцепился мне в руку и сказал: «Ты не представляешь, весь СССР на ногах и тебя ищут, объявлен всесоюзный розыск, потому что пропал офицер КГБ после переговоров с начальником разведки» – и так далее. Он говорит: «Только никуда не уходи». Я говорю: «Купи мне бутылку портвейна, я буду на месте». Он тут же добежал до ближайшего киоска, купил бутылку портвейна, и я из горла ее выпил. За это время позвонили в местный отдел КГБ, и буквально через пятнадцать минут подъехала машина. Из нее вывалились четыре мордоворота и, как они мне потом рассказывали, «увидели юношу, худенького, стройного, мы-то думали, что придется вязать и заталкивать в машину какого-то громилу, а тут стоит совершенно доброжелательно настроенный молодой человек, даже не сказать, что капитан, в такой симпатичной рубашечке, в джинсиках, с дипломатиком». Мы замечательно приехали в аэропорт, и ближайшим же рейсом меня отправили в Москву.

Встречать меня в аэропорту приехал врач с нашей работы, и, когда мы с ним ехали в машине из Внукова, я говорил: как, мол, неловко получилось, стыдно, и что завтра я буду говорить начальнику? «Ничего, ничего, – успокаивал он, – все будет нормально, только в одно место заедем». И вдруг, к своему удивлению, я обнаружил, что мы подъезжаем к пятнадцатой психиатрической больнице. Меня поместили в специализированное отделение для сотрудников КГБ, которые страдают алкоголизмом. Оказывается, в пятнадцатой психиатрической больнице на Каширке есть специализированное отделение для кагэбэшников, где лежат люди не только с психическим расстройством, но в том числе и страдающие таким тяжелым заболеванием, как алкоголизм. И вот, собственно говоря, с этого начинается некий другой этап моей жизни.

Я пролежал там полтора месяца, и выписали меня с диагнозом «хронический алкоголизм, осложненный ситуативным неврозом». Ситуативный невроз – это вроде той ситуации, в которой я оказался, стрессовой. «Хронический алкоголизм второй стадии» – вот диагноз, который мне поставили врачи в этой больнице.

Естественно, когда я вышел, меня вызвал вот тот самый генерал и сказал: «Ты сам понимаешь, одно дело – строгий выговор, и другое – хронический алкоголизм. У тебя два пути: остаешься работать, но на карьере ставишь крест окончательно, то есть ни о каких званиях, ни о чем не мечтай. Будешь спокойно доживать срок, сколько тебе еще осталось до пенсии, десять – пятнадцать лет, где-то бумажки перебирать. Или другой выход, который мы тебе рекомендуем, – ты подаешь рапорт об увольнении по семейным обстоятельствам. И мы, без всякого упоминания о твоём диагнозе, тебя комиссуем в связи с семейными обстоятельствами. Учитывая твои многочисленные заслуги, – а у меня были многочисленные подарки, грамота от Андропова, часов именных три или четыре пары, – тебе предлагают такой вариант. Был бы другой человек, его бы просто выкинули без лишних слов». Естественно, как человек, который к тому времени пропил еще не все мозги, я выбрал именно этот вариант. Так в восемьдесят пятом году я свою службу в КГБ закончил.

Закончился очень важный этап в моей жизни, потому что эти десять лет – это практически те годы, когда сформировался мой алкоголизм. На моем примере можно проследить, как он развивался: постепенно, от каждодневных, казалось бы безобидных, выпивок к хроническому алкоголизму. У алкоголиков эти выпивки приводят к тому, что рано или поздно переступается некая черта и происходят необратимые изменения в обмене веществ, когда не пить он не может.

– Могло это быть оттого, что подсознательно вы хотели все-таки уйти оттуда? Структуру я имею в виду.

– Если вы вспомните, в то время работа в КГБ была очень престижна. Во-первых, я ничего другого делать не мог. Мечтать о том, чтобы уйти? Да у меня даже мысли такой не было, потому что вся моя карьера до самого последнего дня была очень, очень успешной. Я

уже к тому времени в свои двадцать семь лет работал на полковничьей должности, должности – о которой мечтали сорокалетние мужики, работавшие со мной рядом за соседним столом, мне все в этом смысле очень завидовали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.